

УРМАНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

«ДУЛЕТНО И ТЕМНО...»: СЛОВОТВОРЧЕСТВО И СТИЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМЫ СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В СТИХОТВОРНОЙ САТИРЕ ФЁДОРА ЧУДАКОВА

Статья обращена к творчеству Фёдора Ивановича Чудакова (1888–1918 гг.), одного из самых талантливых российских сатириков начала XX века. Анализируется стихотворная сатира, посвящённая одному из видных общественных деятелей Приамурья предреволюционного десятилетия — гласному городской думы Благовещенска Дмитрию Васильевичу Дулетову (1870–1919 гг.). Основное внимание уделяется используемым автором в сатирических и иронических целях стилизации и словотворчеству.

Ключевые слова: литература Серебряного века, Фёдор Чудаков, стихотворная сатира, ирония, словотворчество, стилизация.

Keywords: Silver Age literature, Fedor Chudakov, poetic satire, irony, word creation, stylisation.

Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918 гг.) — один из наиболее ярких сатириков Серебряного века, журналист, поэт, прозаик, драматург, фельетонист, печатавшийся в амурской периодике под псевдонимами Амурец, Босяк, Гусляр, Язва и т. д. После трагического ухода самого талантливого писателя Приамурья дореволюционного и революционного времени в течение почти века не было напечатано ни одной его строки. Возвращение художественного наследия Чудакова в современное культурное пространство началось сравнительно недавно — с выхода в 2016 и 2019 годах двух изданий его произведений: однотомного во Владивостоке [14] и двухтомного в Москве [13].

Среди стихотворных фельетонов Чудакова, вызывавших наибольший общественный резонанс, выделяются сплотки произведений, в которых он на протяжении без

Ф. И. Чудаков за работой в редакции газеты «Эхо». Середина 1910-х годов.

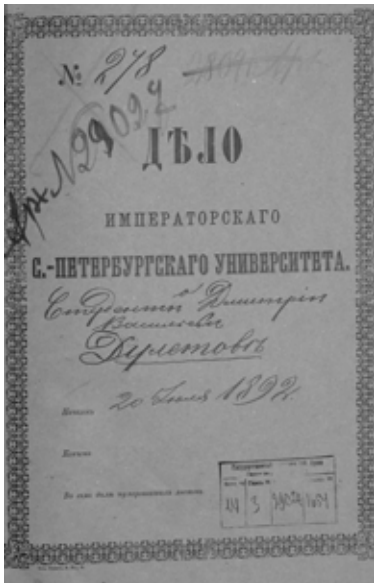
Сотрудники благовещенских газет начала XX века (слева направо): Александр Хворов, Фёдор Чудаков, Фёдор Харитонов, Георгий Артюхов, Валериан Раевский, Евгений Александров, Пётр Спицын, Михаил Поздняков. 11 апреля 1910 или 1911 года.

малого десятилетия (в Благовещенске Амурец провёл треть своей короткой жизни — с октября 1908 по март 1918 г.) раз за разом рисовал образ одного и того же деятеля общенационального (Гучков, Илиодор, Милюков, Пуришкевич, Распутин) или регионального масштаба. Каждый подобный ряд произведений, рассмотренных в хронологической последовательности, даёт наглядное представление о творческом становлении писателя, о трансформации его взглядов, об эволюции его эстетической системы.

В числе общественных деятелей Приамурья, с завидным постоянством попадавших в поле зрения Ф. Чудакова-

Однотомное (Владивосток, 2016 г.) и двухтомное (Москва, 2019 г.) издания избранных произведений Ф. Чудакова.

Обложка личного дела студента юридического факультета Санкт-Петербургского университета Дмитрия Дулетова.

Особенно выделяется гласный Благовещенской городской думы Дмитрий Дулетов.

Что ныне известно о человеке, имя которого чуть более века назад не сходило со страниц амурской периодики, о той роли, которую он играл в общественной жизни города?

Буквально до сегодняшнего дня доамурский период его жизни представлял почти сплошное белое пятно. Не были точно известны год и место его рождения, весьма смутными, существенно неполными были представления о его семье, о том, где, когда и какое образование он получил. Неизвестен был даже его внешний облик. Ситуация изменилась, когда нам удалось разыскать его личное дело периода учёбы в Императорском Санкт-Петербургском университете. Находящиеся в нём документы содержат немало важных биографических сведений о герое многочисленных фельетонов Ф. Чудакова.

Дмитрий Васильевич Дулетов, «православного вероисповедования, из мещан» [6, л. 4], родился «18 октября 1870 года в Вяземском уезде» [6, л. 47] Смоленской губернии, а именно в уездном центре — городе Вязьме [6, л. 55]. Он был младшим ребёнком в многодетной семье, о составе которой даёт представление датированная 26 мая 1893 года докладная записка на бланке канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника:

Господину ректору Императорского Санкт-Петербургского университета.

Проживающий Рождественской части 2 участка в доме 30-26 по Дегтярной улице студент университета Дмитрий Дулетов обратился ко мне с просьбой о выдаче ему свидетельства о бедности на предмет получения стипендии.

Из собранных вследствие сего и представленных полицией сведений видно, что проситель имеет 22 года от роду, поведения одобрительного, состояния бедного, имуществом не располагает, содержания от казны не получает, имеет мать, вдову без занятий, существующую средствами дочери, братьев: Александра 29 лет, учителя, Василия 28 лет и Владимира 27 лет без занятий, Сергея 26 лет, отбывающего воинскую повинность, Николая 24 лет, служащего в телеграфе, и сестру Татьяну 31 года, городскую учительницу в городе Вязьме, проситель занятий не имеет, существует

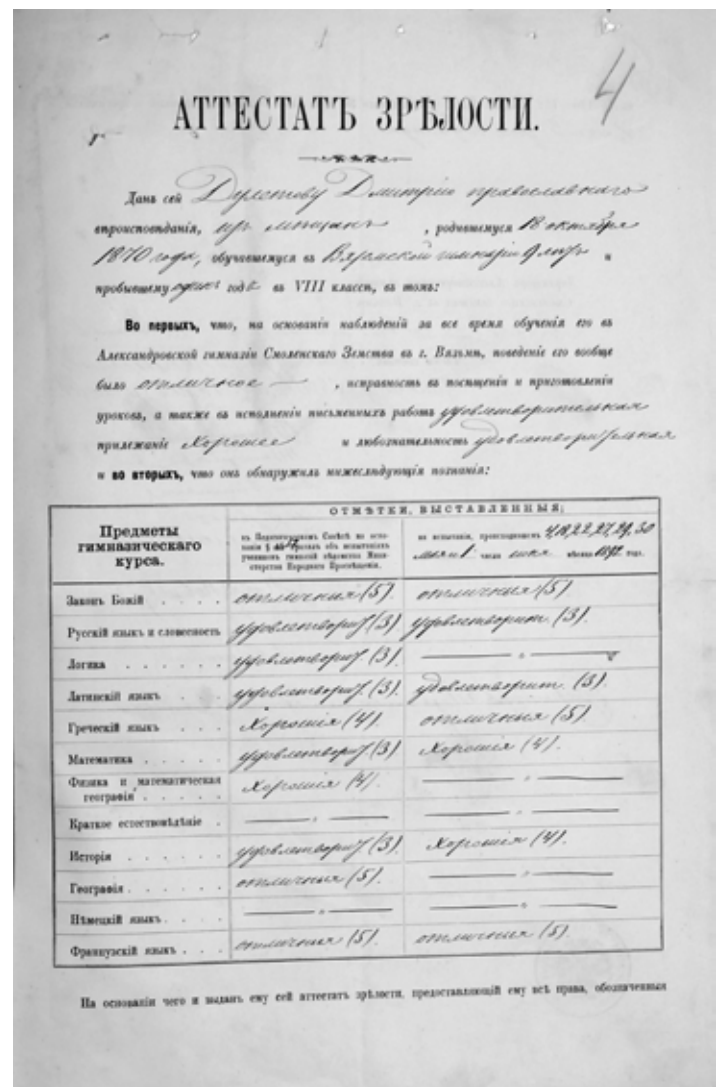
помощью сестры и по бедному положению в стипендии нуждается [6, л. 17].

Забегая вперёд, отметим, что просьба Дмитрия Дулетова была удовлетворена, и он «на 2-м и 3-м курсах» получал «императорскую стипендию» [6, л. 51]. Когда именно умер отец — точно неизвестно, похоже, незадолго до подачи прошения о назначении стипендии.

Судя по находящемуся в личном деле аттестату [6, л. 4], в июне

Фотография из личного дела студента Санкт-Петербургского университета Дмитрия Дулетова. Публикуется впервые.

Аттестат зрелости выпускника Александровской гимназии Смоленского земства в Вязьме Дмитрия Дулетова.

1892 года Дмитрий окончил Александровскую гимназию Смоленского земства в Вязьме и в июле того же года поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. О том, как он выглядел в ту пору, можно получить представление по фотографии в личном деле [6, л. 1]. В деле немало документов, содержащих сведения о том, чем была наполнена жизнь Дмитрия в студенческие годы, но это отдельная тема.

В Приамурье Д. Дулетов оказался в 1897 (или 1898) году. О том, где он находился первые полтора-два года после окончания университета (1896 г.), можно судить по датированному 15 ноября 1896 года «конфиденциальному» запросу управляющего акцизными сборами Харьковской губернии, адресованному ректору Санкт-Петербургского университета. В нём он уведомляет о том, что к нему обратился окончивший курс юридического факультета Дмитрий Дулетов «с просьбой о предоставлении ему должности» в управлении, и просит ректора предоставить ему сведения «о нравственных качествах просителя, а также не было ли за ним каких-либо дел, препятствующих ему служить в казённом учреждении» [6, л. 53]. В ответ на этот запрос ректор заверил, что «за время пребывания в университете ни в чём предосудительном» Дмитрий Дулетов «замечен не был», что «как студент» он был «отличный по успехам и поведению» [6, л. 54]. Так что, судя по всему, до переезда на Амур Д. Дулетов служил в управлении акцизными сборами Харьковской губернии.

Что касается его службы в Приамурье, то известно, что в 1901–1902 годах Дулетов был податным инспектором 2-го Благовещенского участка, а с сентября 1902 по январь 1909 года — Зейского участка Амурской казённой палаты (с резиденцией в Зее-Пристанни, ныне г. Зeya). После отставки с этой должности он перешёл в присяжную адвокатуру округа Иркутской судебной палаты.

В период первой русской революции Дулетов увлёкся общественно-политической деятельностью, возглавлял (на рубеже 1905–1906 гг.) местное отделение кадетской партии. В 1906-м выдвигал свою кандидатуру на выборах во II Государственную думу, но безуспешно.

В период реакции, на рубеже 1908–1909 годов, Дулетов являлся редактором-издателем почти мгновенно закрытой властями «Амурской речи», выходявшей в Благовещенске «литературной, политической» газеты. Первый номер кадетского по духу издания увидел свет 21 декабря 1908 года, последний, 16-й, — менее чем через месяц, 18 января 1909-го. Общий курс подвергавшейся цензурному и административному давлению газеты воспринимался местными властями как оппозиционный, хотя декларировался он в самом издании весьма расплывчато. «Амурская речь» объявила себя чуть ли не единственным в крае «правдивым органом» и

вызвалась быть «путеводителем народа к свету». В редакционной статье, которой открывался 1-й номер, программа «прогрессивного» печатного издания излагалась весьма витиевато, преимущественно аллегорически: «Да будет свет! И стал свет. Мрак, окружающий Землю, разрушен по воле Творца... Итак, вперёд к свету!»¹. В такой иносказательной манере автор (передовица анонимная, но рука Дулетова угадывается безошибочно) изъясняется с читателем на протяжении всей статьи. Понять, что конкретно он имеет в виду под «светом», затруднительно. Есть в статье и высказывания о слугах «мрака», которые «в своём бессилии изыскивают всё новые способы остановить это движение» к свету, которые «находят людей, соглашающихся за горсть золота принести благо народа в жертву, создают органы печати с выработанной ими же программой, называя честную печать врагом народа». Кто эти враждебные народу силы, загромождающие ему путь к «свету», какие именно органы печати создаются «мраком», чтобы обманывать народ, — обо всём этом читателю остаётся лишь гадать, ибо автор не снисходит до пояснений. То ли проявляет осторожность, то ли надеется, что устремлённый к «свету» народ обо всём догадывается сам, а потому «брезгливо отворачивается» от лживой периодики, «жадно набрасываясь на правдивый орган». Под «правдивым органом», на который будто бы «жадно набрасывается» жаждущий просветления народ, подразумевается, надо полагать, «Амурская речь».

В таком ключе выдержаны и другие редакционные передовицы, судя по всему, написанные той же рукой. В них много туманно-многозначительных намёков, аллегорий, бьющей через край патетики, но нет главного — содержательной конкретики, ясных формулировок, чётко прописанных программных целей и задач. Похоже, подобная стилистика вкупе с не вполне внятным идейным содержанием были не только следствием цензурных ограничений, но и «фирменным знаком» — проявлением специфических особенностей мышления и риторических талантов Дмитрия Дулетова, идеолога и ньюсмейкера «Амурской речи» и общественно-политических сил, стоящих за нею.

Несмотря на бросающуюся в глаза «политкорректность» и повышенную осторожность редактора-издателя, напуганные прокатившейся не так давно по стране революцией власти на всякий случай затоптали этот чахлая росток провинциального либерализма. Что касается Д. В. Дулетова, то для него кратковременное редакторство чуть было не обернулось тюрьмой: в 1909 году за размещение в «Амурской речи» статей «вредного направления» он был привлечён к суду и приговорён к заключению сроком на один год. От этого наказания незадачливый редактор-изда-

¹ Амурская речь. — 1908. — № 1 (21 дек.). — С. 1.

тель был освобождён ввиду поданного им в министерство юстиции прошения о помиловании. В прошении, к которому прилагались подтверждающие выписки из газет, он уверял в своей лояльности по отношению к властям.

Отделавшись лёгким испугом, в дальнейшем Дулетов не искал судьбу и не примеривал на себя тогу неустрашимого борца с силами «мрака», то есть с царской властью и её институтами. И впредь не помышлял уже о благородной миссии редактора газеты, несущей «свет» народу.

Свой недюжинный темперамент и бьющие через край амбиции он направил в иное русло — стал гласным городской думы Благовещенска (с 1910 по 1919 г.), снискав на этом поприще славу непревзойдённого оратора и чрезвычайно компетентного деятеля. 12 сентября 1919 года, объявляя на заседании городской думы о гибели Дулетова, её тогдашний председатель И. Н. Шишлов отдал должное заслугам покойного: «В области и Благовещенске нет такого человека, который бы не знал Дмитрия Васильевича. Общественная деятельность его известна всем. Знарок области, он был неоценимым деятелем в общественной работе, и кто его лично знал, скажет: работник “не за страх, а за совесть”. Затрудняюсь сказать, кем было сказано, что он не может себе представить думу без Дулетова, но я лично присоединяюсь к сказанному; при отсутствии Дмитрия Васильевича

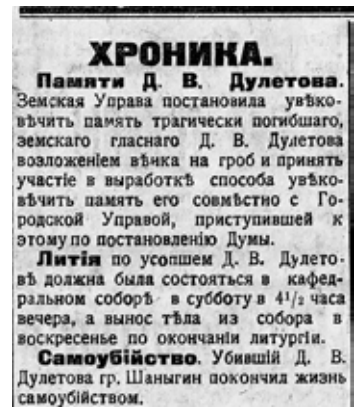
разрешение многих практических вопросов в думе шло очень трудно. Знания, долголетний опыт и острота ума Д. В. Дулетова являлись всегда на помощь при разрешении того или иного вопроса. Область и... город потеряли многое. И долго ещё будут общественные работники, разрешая тот или иной вопрос, ссылаться на мнения Дмитрия Васильевича. Его труды, многочисленные доклады в письменной форме или устные, зафиксированные в комиссиях и заседаниях, ещё очень и очень долгое время будут являться исходным пунктом при разрешении многих практических вопросов»².

Жизнь 48-летнего «амурского Демосфена» оборвалась трагически нелепо: через полтора года после самоубийства Фёдора Чудакова, 12 сентября 1919-го, он был застрелен у себя дома мужем любовницы, штабс-капитаном Петром Шаныгиным. Поначалу газеты сообщили, что на следующий день убийца покончил с собой, однако позже выяснилось, что это была ошибочная информация. Более того, военно-полевой прифронтовой суд, состоявшийся 20–21 декабря, оправдал Шаныгина на том основании, что он «совершил убийство в состоянии патологического аффекта».

«Амурский Саша Чёрный» вывел Дмитрия Дулетова (случай беспрецедентный!) в восьми сатирических

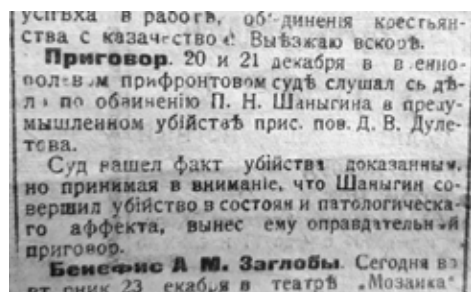

Заметка о заседании городской думы Благовещенска, состоявшемся в день убийства «амурского Демосфена».

Благовещенская газета «Амурская жизнь» (сентябрь 1919 года) о смерти Д. Дулетова.

² Амурская жизнь. — 1919. — № 194 (14 сент.). — С. 2.

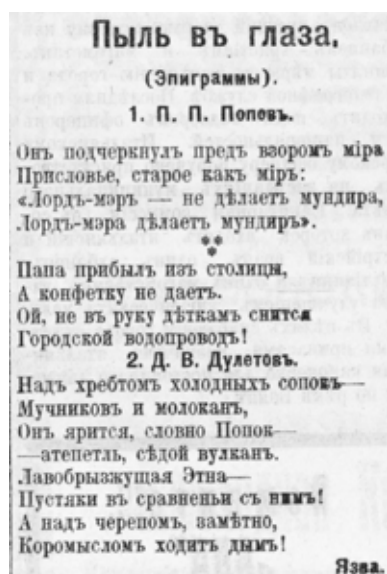
Заметка об итогах суда над убийцей
Дмитрия Дулетова, опубликованная
в газете «Амурская жизнь», № 275.
23 декабря 1919 года.

«республиканцев» (1917 г.) — уже проанализированы нами [11; 12], очередь за другими.

В 1910-е годы среди публичных фигур Благовещенска Дулетов был, пожалуй, вторым по известности после Петра Петровича Попова, городского головы (1911–1914 гг.). Не случайно именно они вдвоём стали персонажами двучастной эпиграммы Язвы «Пыль в глаза», опубликованной в «Эхе» 9 мая 1913 года [15]. Общий заголовок призван был выразить авторскую мысль, что главная, объединяющая этих людей черта — стремление произвести внешний эффект, с помощью разного рода ухищрений создать у окружающих выгодное о себе представление.

В первых сатирических произведениях о Дулетове (они относятся к 1910–1913 гг.) Чудаков обращает внимание преимущественно на внешние особенности речевого поведения амурского «златоуста»: на горячий темперамент, на многословие при дефиците содержательного наполнения. Сатирик не обличает «амурского Демосфена», а лишь подтрунивает над ним, над его риторическими манерами.

Отношение «амурского Саши Чёрного» к Дулетову

Эпиграммы «Пыль в глаза»
в прибавлении к № 1318 газеты
«Эхо» за 9 (22) мая 1913 года.

стихотворениях и стихотворных фельетонах и одной эпиграмме. Некоторые из этих произведений — фельетоны «В новой думе» (1910 г.), «Пир «республиканцев»» (1917 г.) и «Баллада про «ре-

спубликанцев»» (1917 г.) — уже проанализированы нами [11; 12], очередь за другими.

стало меняться в начале 1914 года. Самой вероятной причиной могли стать поступки и высказывания недавнего «либерала» Д. В. Дулетова, всё чаще выступавшего в защиту интересов амурских толстосумов — купцов-мукомолов и золотопромышленников. Ну и, наконец, могло сказаться то, что в начале 1914 года прошли очередные выборы в городскую думу, а в марте новый состав этого представительного органа должен был избрать на

следующий четырёхлетний срок городского голову, что обострило вражду между сторонниками различных общественно-политических сил.

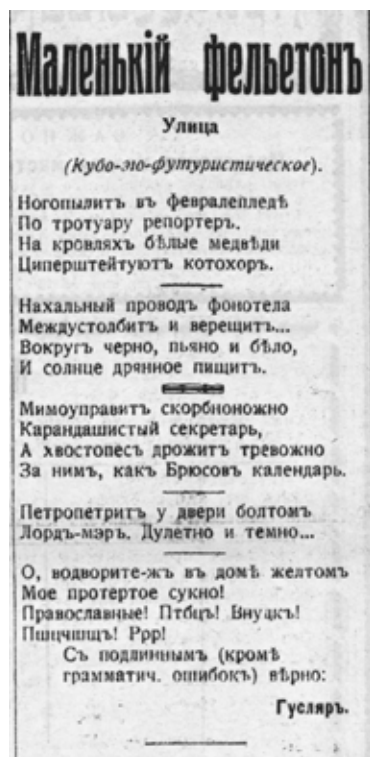
Как известно, Чудаков-сатирик весьма часто отпускал шпильки в адрес действующего лорд-мэра Благовещенска П. П. Попова. В течение нескольких месяцев, предшествовавших голосованию, он не раз печатно высказывался в том смысле, что сохранение Попова на его посту будет иметь для города печальные последствия. Даже на страницах «Эха», в целом весьма лояльного к лорд-мэру и городской управе (из-за позиции тесно сотрудничавшего с ними редактора газеты Н. Ф. Губанова), он умудрялся так или иначе выразить свою позицию. Как это произошло, например, в ироническом стихотворении «Предвыборное раздумье», опубликованном под псевдонимом Гусяря 8 октября 1913 года:

*Близкий чувству азарт,
Я дрожу, лечася бромом:
Грянет-грянет месяц март
Над главами буйным громом!
Осенит ли нас штандарт
Долгожданного прогресса?
Или снова месяц март
Вложит нас под доску пресса?
Дайте мне колоду карт,
Я гадать по картам сяду:
Что сулит грядущий март
Моему родному граду?
Пётр Петрович устоит
Иль отыдет, горько плача, —
Всё грядущий март решит,
А пока сие — задача... [4]*

Сатирик прозрачно намекает: ему не хочется, чтобы Благовещенск ещё на четыре года попал «под доску прессы», то есть «под Попова». В марте 1914-го Пётр Петрович не «устоит» (точнее, не усидит в своём кресле): городским головой будет избран Иосиф Дмитриевич Прищепенко.

Дулетов же не без оснований воспринимался сатириком как активный сторонник Попова, как важнейшая его опора в городской думе, а потому усиление критического отношения к «амурскому Демосфену» накануне выборов могло быть спровоцировано именно этим обстоятельством.

26 февраля, то есть буквально накануне судьбоносного голосования по кандидатуре городского головы, Ф. Чудаков опубликовал в «Эхе» ещё один язвительный текст — «Улица», в котором вновь свёл вместе Попова и Дулетова. Но форма, приёмы, которые он здесь использует, — новаторские, ранее им не применявшиеся. Стихотворение строится на пародийном обыгрывании стилистики входившего тогда в моду футуризма.

Стихотворение «Улица» в номере газеты «Эхо» за 26 февраля (11 марта) 1914 года.

роподобного одностопного текста («О, ты, / Мечты / Моей / Святей- / Ший храм! / Ты там, / В раю! / Твою / Любовь / Я вновь / Пере- / (Тире) / Живал / И слал / Упрёк / Жесток — / Ой, смер- / Ти! Вер- / Ен я! / Тая / В тиши / Души / Тоску, / Влеку / Года!..»), автор в конце «элегии» делает иронический вывод — уже в прозаической форме: «Стоп! На этой точке я схватил себя зубами за руку. Довольно! Нет никакого

Обложка первого сборника футуристов. 1912 год.

3 Дед Раёшник (Раёшник-дед) — фельетонист, печатавшийся под этим псевдонимом в газете «Эхо» и ряде других благовещенских газет.

4 Циклисты (устар., от франц. *cycliste*) — велосипедисты.

Следует отметить, что помимо «Улицы» Чудаков пародировал футуристов лишь однажды — в «Электро-элегии», опубликованной годом раньше, 19 марта 1913-го. «Электро-элегия» — чистая, не связанная с амурскими реалиями пародия на эгофутуризм, точнее — на его бездарных эпигонов. Фельетон предвывает преамбула: «Главная оригинальность его стиха — двосложие. Например: / «Вспеним, / Взденем / Наши / Чаши!» / (Рецензия эгофутуриста В. Миронова на стихи эго-же-футуриста Зайцера. «Верх», журнальчик).

Комично поупражнявшись в создании эгофутуроподобного одностопного текста («О, ты, / Мечты / Моей / Святей- / Ший храм! / Ты там, / В раю! / Твою / Любовь / Я вновь / Пере- / (Тире) / Живал / И слал / Упрёк / Жесток — / Ой, смер- / Ти! Вер- / Ен я! / Тая / В тиши / Души / Тоску, / Влеку / Года!..»), автор в конце «элегии» делает иронический вывод — уже в прозаической форме: «Стоп! На этой точке я схватил себя зубами за руку. Довольно! Нет никакого сомнения, что я — эго-футурист. Сейчас засяду писать полное собрание своих сочинений» [3]. Слабый отзвук имевшей место поэтической пикировки Чудакова с футуризмом — строчки из его «Письма Раёшнику-деду»³, опубликованного в июне того же 1913-го: «С тоской и злобою в очах сидим, ругаем октябристов, артистов, эго-футуристов, циклистов⁴, автомобилистов» [2].

Отсутствие в творческом наследии Амурца других текстов, содержащих прямые или завуалированные отсылки к футуризму, позволяет заключить, что период активной художественной рефлексии Чудакова на это поэтическое явление ограничен февралём – июнем 1913 года. Судя по всему, это была его реакция на первый литературный сборник российских футуристов «Пощечина общественному вкусу», вышедший в Москве в середине декабря 1912 года и вызвавший множество язвительных откликов в российской печати.

В отличие от «Электро-элегии», написанная годом позже «Улица», несмотря на подзаголовок «Кубо-эго-футуристическое», — рефлексия не столько на футуризм, сколько на текущие события амурской действительности, но отражаемые с применением провозглашённых в «Пощечине...» программных положений. Автор «Улицы» как бы солидаризируется с заявлениями футуристов о праве поэта «на увеличение словаря в его объёме произвольными и производными словами», как бы разделяет их установку на «Самовитое, самоценное Слово» [9]. И, как следствие, — на практике начинает использовать (в иронических целях) применяемые авторами сборника «Пощечина общественному вкусу» принципы и приёмы словопроизводства. В первую очередь, приём Велимира Хлебникова по «сборке» самовитого слова из нескольких обычных, что он продемонстрировал, например, в стихотворении «Песнь Мирязя»: «стадо-рого-хребто-мордо-струйная река» [9].

В «Улице» искусственное соединение нескольких (двух) слов в одно самовитое — основной стилистический приём, главная лексико-семантическая «фишка» автора, ключевой способ создания им речевого комизма и дополнительных смыслов. Всего в стихотворении подобных двусоставных неологизмов девять, в том числе три — в первой строфе:

*Ногопылит в февралепледе
По тротуару репортёр.
На кровлях белые медведи
Циперштейтуют котохор* [5].

Поясним некоторые слова и выражения: *белые медведи* — отдельные, ещё не растаявшие островки снега на крышах домов; *котохор* — истошные вопли мартовских котов (напомним: стихотворение «Улица» было опубликовано 11 марта по новому стилю); *циперштейтуют* — скользят, сползают, крутятся, по кровле, совершают движения, напоминающие танцевальные па (и пугая своим движением и производимым шумом находящихся на крышах котов). Авторский неологизм *циперштейтуют* образован от фамилии Давида Михайловича Циперштейна, известной в 1910-е годы личности: учитель 2-й женской гимназии, но прежде того «артист балета» (как он представлял себя в газетных объявлениях), организатор так называемой «Школы танцев»

с её ежедневными групповыми занятиями и «практическими вечерами» по выходным.

Отметим, кстати, что словосочетание *циперштейтуют котохор* стилистически, фонетически и морфологически перекликается с *крылышкаю золотиписьмом* — первой строкой знаменитого стихотворения В. Хлебникова из «Пощёчины...»: «Крылышкаю золотиписьмом / Тончайших жил, / Кузнечик в кузов пуза уложил / Прибрежных много трав и вер...» [9]. Словообразовательное сходство здесь очевидно (особенно если используемые поэтами слова привести в грамматическое соответствие): *крылушкуют* — *циперштейтуют*, *золотиписьмо* — *котохор*.

Что касается *ногопылящего* (то есть пылящего при ходьбе) репортёра, то современникам Чудакова это выражение было понятно: в те годы широкое распространение получило неофициальное, шуточное название Благовещенска — Ветропыльск (из-за постоянных сильных ветров и обилия грязи и пыли на улицах). К концу февраля городские тротуары обычно уже освобождались от снега и покрывались изрядным слоем грязи. *Февралеплед* не поддаётся столь же однозначной расшифровке, как предыдущие неологизмы. Возможно, это самовитое слово содержит намёк на то, что февраль, несмотря на припекающее в затишке солнце, в целом был месяцем ветреным, студёным, из-за чего горожанам приходилось кутаться в пледы. В начале XX века пледом было принято называть и плотное шерстяное или полушерстяное покрывало (обычно с бахромой), употребляемое как одеяло или платок, и плотную ткань (устар.), и тёплое покрывало для путешествий [7].

Роль второй строфы — передать общую атмосферу, общий фон жизни Благовещенска в феврале 1914 года. Он, этот фон, в изображении сатирика крайне безрадостен и дискомфортен:

*Нахальный провод фонотела
Между столбит и верещит...
Вокруг черно, пьяно и бело,
И солнце дрянное пищит* [5].

Нахальный провод фонотела — телефонный провод. *Между столбит* — висит, натянутый меж телеграфными столбами. *Верещит* — на сильном ветру издаёт громкий, режущий звук.

Третья строфа позволяет установить координаты запечатлённого места:

*Мимоуправит скорбноножно
Карандашистый секретарь,
А хвостопёс дрожит тревожно
За ним, как Брюсов календарь* [5].

Мимоуправит — проходит, пробегает мимо городской управы, которая находилась на чётной стороне улицы

Здание городской управы в начале XX века.

Большой (ныне Ленина, 130/1), между пересекающимися её Торговой (с 1954 г. — Богдана Хмельницкого) и Графской (ныне Калинина). В этом историческом здании не только располагалась городская управа, но и проходили заседания городской думы, а сейчас, век спустя, располагается производственный корпус бездействующего электроаппаратного завода. *Карандашистый* — значит высокий, худой; в то же время эпитет этот призван метафорически выразить сущность человека: *карандашистый* — полностью поглощённый казёнными, канцелярскими заботами, подобие гоголевского Акакия Акакиевича. *Скорбноножно мимоуправит* (передви-

Это же здание с пристройкой в конце XX века.

Отреставрированное здание бывшей городской управы в наши дни.

гается) он, скорее всего, потому, что приближаются выборы городского головы, после которых, в случае смены власти, в управе могут начаться увольнения служащих, по обычаю самых беззащитных, мелких.

Увязавшийся за *карандашистым* секретарём дрожащий *хвостопёс* — образ-эмблема, воплощение бесприютности, бездомности амурской (и шире — российской) действительности. Бездомный *хвостопёс* предвосхищает другого пса, выведенного спустя четыре года в поэме Блока «Двенадцать». «Поджавший хвост паршивый пёс» тот, «пёс холодный — пёс безродный», вначале жмущийся к «буржую», а потом «ковыляющий» позади грозящих «поколотить» или даже «пощекотать» его штыком красногвардейцев, тоже будет символизировать холодный, неуютный, ненавистный Блоку «старый мир».

В следующей строфе появляется, наконец, глава города, с тревогой ожидающий скорых выборов:

*Петропетрит у двери болтом
Лорд-мэр. Дулетно и темно...
О, водворите ж в доме жёлтом
Моё протёртое сукно!* [5]

Причудливый неологизм *петропетрит* — производное от имени-отчества Попова — Петра Петровича. *Петропетрит у двери болтом / Лорд-мэр...* — очевидно, речь идёт о каком-то агитационном, рекламном щите или плакате — настенном или тумбовом призыве голосовать за продление полномочий нынешнего городского головы Попова. То есть *петропетрит у двери* не сам Попов, а плакат, на котором выведены крупным шрифтом его имя и отчество.

Дмитрий Дулетов, главная опора лорд-мэра в городской думе, «прописан» сатириком на одной с Поповым строке, но обозначен не прямо, а слегка завуалированно. Предикатив (предикативное наречие) *дулетно* — авторский неологизм, самовитое слово, означающее, во-первых, что городскому голове сейчас дурно от нехороших предчувствий, что на душе у него скверно, муторно. По Чудакову, *дулетно* — это и общее состояние переживаемого им и его современниками момента, которое можно выразить с помощью контекстуально синонимичных слов типа *неуютно, тягостно, безрадостно, беспросветно, безнадёжно*.

Чудаковское *дулетно и темно* явственно перекликается с созвучным ему выражением из пушкинского экспромта, написанного в 1818 году как бы от лица Жуковского, которому порой досаждали начинающие стихотворцы, в том числе лицейский друг Пушкина Кюхельбекер (Кюхля):

*За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно* [10].

С лёгкой руки Пушкина сконструированное им из фамилии Вильгельма Кюхельбекера слово получило широкое

распространение. *Кюхельбекерно* — шутливая словоформа, в комическом ключе характеризующая физиологическое состояние человека, которому дурно — от переедания ли, от чрезмерного употребления спиртного или же от назойливости окружающих. Сконструированное же Чудаковым из фамилии гласного городской думы Благовещенска Дмитрия Дулетова слово призвано отражать не столько физиологическое или психологическое состояние отдельного человека, сколько дух, атмосферу времени. Слово *дулетно* относится не только к лорд-мэру и его верному златоусту. По Чудакову, *дулетно* и в думе, и в управе, и в городе, и в природе, *дулетно* во всей России. Слово *дулетно* в контексте произведения становится лексическим кодом современной сатирику эпохи — гнетущей, непереносимо унылой, безрадостной, тошнотворной, подлой, продажной, безумной.

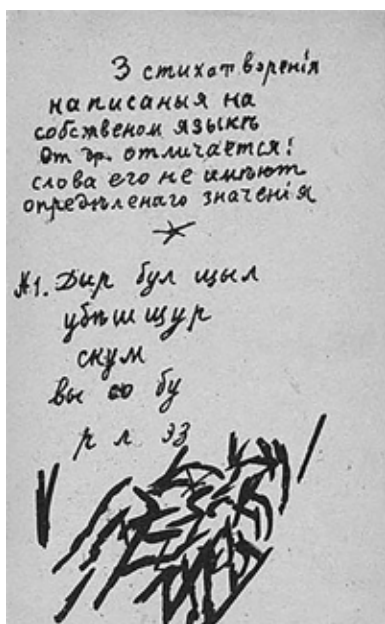
В последних двух строках четвёртой строфы Гуслер воспроизводит крик души лорд-мэра, боящегося потерять своё кресло: *О, водворите ж в доме жёлтом / Моё протёртое сукно!* Иначе говоря, изберите меня, чтобы я мог и дальше протирать свои штаны в «доме жёлтом»! Что за дом имеется здесь в виду? В разговорной практике начала XX века жёлтыми домами принято было называть больницы для умалишённых. Подобное наименование вошло в обиход потому, что так, по жёлтому цвету окраски фасадов, первоначально называли психиатрическое отделение Обуховской больницы в Петербурге.

Но герой «Улицы», разумеется, просит «водворить» его не в психушку, а в свой уютный кабинет в здании управы. На то, что городская управа и дума при Попове и Дулетове превратились в подобие сумасшедшего дома, намекает автор произведения. Здание управы было построено из красного кирпича, поэтому «жёлтый» цвет в стихотворении — не реалистическая подробность, а аллегория, язвительный намёк.

В процитированной строфе автор обыгрывает стилистику не только футуризма, но и символизма. Речь о стихотворении Блока «Фабрика» (1903 г.), откуда Гуслер и заимствовал не всем, быть может, понятные в контексте «Улицы» «болты» и дом, для описания которого поэт использует цветовое обозначение «жёлтый» (у автора «Фабрики» в этом слове — ненормативная буква «о» вместо «ё»):

*В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам* [1].

Думается, прочерченная Чудаковым параллель с блоковским стихотворением была адекватно понята образованной частью благовещенской общественности — теми, кто помнил и другие строчки «Фабрики». И потому в состоянии был продолжить заданную сатириком сопоставительную парадигму. В их сознании вполне могла всплыть

Страничка сборника А. Кручёных «Помада» (1913 год).

И, наконец, в финальных строчках стихотворения, выдерживая и даже усиливая мотив царящего в Благовещенске и во всей России сумасшествия (в том числе и эстетического), Чудаков актуализирует заявленную в подзаголовке тему — пародирует «заумную» стилистику российского футуризма:

блоковская, но подходящая и для амурского контекста строка «глухо заперты ворота», ибо и в городскую управу почти невозможно было достучаться со своими проблемами простым людям. Могли вспомнить они и о том, что власти Благовещенска тоже не уставали призывать народ «согнуть измученные спины». Вполне предсказуемо было для них и то, что после вождя «водворения» в привычные кресла «в желтых окнах засмеются, / Что этих нищих провели».

Православные! Птбц! Внудк!
Пщцщщ! Ррр!
С подлинным (кроме грамматических ошибок) верно:
Гусляр [5].

Похоже, первые две строки являются иронической реакцией амурского сатирика на тексты, подобные скандально знаменитому стихотворению Алексея Кручёных 1913 года, про которое автор говорил, что в нём «больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина»:

Дыр бул щыл
убеш щур
скум
вы со бу
р л эз [8]

С точки зрения автора созданной за полгода до Первой мировой войны и за три года до революционного 1917 года «Улицы», внедряемая в отечественную словесность футуристами заумь, отстаивание ими права пользоваться «разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями» (А. Кручёных) — отражение, эстетическая проекция хаоса и безумия, царящих в головах представителей правящего класса и его интеллектуальной obsługi (к которой Чудаков относил Дмитрия Дулетова), а также в окружающей действительности — амурской, российской, общемировой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блок, А. А. Фабрика // Лирика. Тридцать лирических циклов и разные стихотворения / А. А. Блок ; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. — Москва : Совет. Россия, 1980. — С. 43.
2. Г-рь (Чудаков Ф.). Письмо Раёшнику-деду // Эхо. — 1913. — Прибавление к № 1343. — 12 (25) июня. — С. 2.
3. Г-рь (Чудаков Ф.). Электро-элегия. На смерть кого-то // Эхо. — 1913. — № 1281. — 19 марта (1 апреля). — С. 3.
4. Гусляр (Чудаков Ф.). Предвыборное раздумье // Эхо. — 1913. — Прибавление к № 1435. — 8 (21) октября. — С. 2.
5. Гусляр (Чудаков Ф.). Улица. Кубо-эго-футуристическое // Эхо. — 1914. — № 1545. — 26 февраля (11 марта). — С. 3.
6. Дулетов Дмитрий Васильевич // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29027. Л. 1–56.
7. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — URL: <http://endic.ru/gallicism/Pled-19926.html> (дата обращения: 10.04.2023). — Текст : электронный.
8. Кручёных, А. Е. Помада / [соч. Алексея Кручёных ; рис. Михаила Ларионова]. — Москва : Изд-во Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, [1913]. — URL : <https://www.togdazine.ru/article/936> (дата обращения: 27.05.2023). — Текст : электронный.
9. Пощёчина общественному вкусу. В защиту свободного искусства : [Стихи. Проза. Статьи] : [сборник] : [Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Кручёных, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников]. — Москва : Издание Г. Л. Кузьмина, 1912. — 112 с. — URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/futuristy-pov/futuristy-pov.html#s003> (дата обращения: 03.04.2023). — Текст : электронный.
10. Пушкин, А. С. За ужином объелся я... // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 : Стихотворения. 1813–1820 / А. С. Пушкин. — Москва, 1962. — С. 441.
11. Урманов, А. В. Образ гласного городского думы Благовещенска Дмитрия Дулетова в фельетоне Ф. Чудакова «В новой думе» / А. В. Урманов // Лосевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф. — Благовещенск, 2021. — Вып. 14. — С. 4–17.
12. Урманов, А. В. «Равняйся по Дулетке!» Формы сатирической характеристики в фельетонах Ф. Чудакова о Дмитрии Дулетове и Союзе амурских республиканцев // Лосевские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. — Благовещенск, 2022. — Вып. 15. — С. 4–25.
13. Чудаков, Ф. И. Избранное : из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века : в 2 т. / Ф. И. Чудаков ; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. — Москва : Викмо-М : Русский путь, 2019.
14. Чудаков, Ф. «Чаша страданья допита до дна!...» : из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Ф. И. Чудаков ; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. — Владивосток : Рубеж, 2016. — 716 с.
15. Язва (Чудаков Ф.). Пыль в глаза. Эпиграммы. 1. П. П. Попов. 2. Д. В. Дулетов // Эхо. — 1913. — Прибавление к № 1318. — 9 (22) мая. — С. 2.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 14.06.2023.

Сведения об авторе: Урманов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (г. Благовещенск).

Контактные данные: г. Благовещенск, ул. Горького, д. 112, кв. 48; e-mail: a.v.urmanov@gmail.com; тел. 8-914-591-63-97.